

Звездный мальчик

ИХ «ЗАКАЗАЛИ»

в кафе

ИННА ТРОНИНА

Звездный мальчик

Инна Тренина

Их «заказали» в кафе

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тренина И.

Их «заказали» в кафе / И. Тренина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Звездный мальчик)

В течение нескольких месяцев 1999 года в разных городах один за другим без видимых причин покончили с собой трое мужчин – судья, печник и коммерсант. Между собой они не были знакомы. Несмотря на наличие у каждого серьезных врагов, выводы судмедэкспертов однозначны. Все трое расстались с жизнью добровольно. Разными путями эти сведения дошли до майора милиции Артура Тураева. Он очень быстро заподозрил серию и не ошибся. Как оказалось, все трое имели любовниц из числа девушек, работавших официантками в кафе, принадлежащем Серафиме Кобылянской. Врач по образованию, она теперь занималась другим бизнесом и носила кличку Кормилица. Но, как оказалось, о старой профессии тоже не забывала.

Кормилица по заказу заражала людей неизлечимыми болезнями, подсылая к ним больных девушек. Узнав о своем диагнозе, боясь огласки и позора, жертвы кончали с собой. До последнего времени это не вызывало подозрений у правоохранительных органов. Артур Тураев собрал неопровержимые доказательства преступной деятельности Кормилицы. Кафе закрыли, но оказалось, что против хозяйки нет никаких улик. Ее подельники-мужчины взяли вину на себя. Кормилица – умная, холодная, жестокая дама – все предусмотрела и рассчитала. Но случилось то, чего она никак не ждала. Это событие заставило ее написать чистосердечное признание и передать свои показания Артуру Тураеву...

© Трoннa И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Инна Тренина

Их «заказали» в кафе

Пролог

Старшинов лежал в постели, чутко прислушиваясь. И когда мимо двери в спальню прошуршали шаги старшего сына, резко сел и замер. Он не знал, что именно сейчас следует делать. Времени оставалось мало, от силы пять минут. Впрочем, жена могла вернуться с кухни и раньше. На её половине широкой кровати валялся лёгкий душистый халатик, поблёскивала упаковка из-под новых колготок, таинственно мерцало синтетическое бельё, подаренное им год назад ей на день рождения.

Елена никогда надолго не оставляла вещи в беспорядке – муж мог проснуться и всё это увидеть. Значит, усадив сыновей завтракать, Лена вернётся, чтобы наскоро прибраться. И тогда у Старшинова в это утро ничего не выйдет. А позже может не хватить решимости.

А что, если перенести всё на вечер, когда никого не будет дома? Сегодня воскресенье, и Стёпка уезжает на пикник в лес. Лена собиралась на день рождения к сестре. К радости Старшинова, там решили устроить девичник, и на его прибытии не настаивали. Старший сын Михаил, который сегодня ночевал у родителей в Химках, уедет в Москву. Он уже несколько лет жил у тёщи, а в Химках появлялся редко и обязательно после долгих уговоров.

Старшинов поспешно спустил ноги на ковёр, встал. Одёрнул измятую пижаму, пригладил редкие, всклокоченные, с обильной проседью волосы. На секунду задержался перед трельяжем и удивился собственному спокойствию. Ему совершенно не хотелось есть, несмотря на то, что с кухни плыли запахи яичницы, жареной курицы и кофе. Курицу Лена готовила для Стёпкиного пикника, но Старшинов всегда мог попросить поджарить ему кусочек постной говядины.

Лена предлагала всё это ещё вчера, но он отказался. Лишь бы парни ничего не узнали! Они молодые и здоровые, им жить и жить, но уже без отца. Старшинов не то чтобы боялся, но опасался – вдруг пацаны собьются с пути, попадут в дурную компанию, свяжутся с проститутками, опозорят семью перед соседями и друзьями. Стыдно будет людям в глаза взглянуть, если такое произойдёт.

Но парни не подкачали – выучились, теперь работают. Мишка им с Леной уже внука родил, и Стёпка скоро женится. Вот, вышел из ванной после душа, отправился на кухню. Надо бы ополоснуться, но нельзя. Вчера был в бане, надел всё чистое, побрился. Нет, в пижаме всё-таки неудобно – надо взять спортивный костюм, который всегда висел в шкафу. Старшинов надевал его в основном для утренних пробежек и прогулок с овчаром.

«Теперь, Джек, нам уже не трусить по дорожкам парка, не ездить на рыбалку и на дачу, – подумал Старшинов. – Мы даже не простимся. Долгие проводы – лишние слёзы, да и ни к чему эти нежности. Провинился – отвечай. Жалеть тебя, Гаврила, никто не должен. Ты уходишь, как малодушная мразь, но признаться во всём Лене всё равно никогда не решишься...»

Старшинов переоделся, застегнул куртку на «молнию», осторожно выглянул из спальни. Лена гремела посудой и ничего не слышала. Восемь двадцать утра. Старшинов никогда по выходным так рано не вставал. За те четверть века, что существовала их семья, Елена Николаевна изучила твёрдые, неизменные привычки мужа.

Моложавая кокетливая закройщица ему ни разу не изменила, даже не дала повода усомниться в своей верности, а ведь Гавриил Степанович был её на одиннадцать лет старше. Из-за этого кумушки во дворе и приятели Старшинова пророчили им семейные проблемы – и ведь, накаркали, гады! Только не Леночка предала его, а он – её. Он, почти пенсионер, суровый и правильный. Высокий, чуть сутуловатый, основательный сельский мужик, которому, к удив-

лению, очень шла судейская мантия. Юрист с солидным стажем, неподкупный и справедливый слуга закона, любимый наставник молодёжи и последняя надежда униженных сограждан. Он совершил преступление, равного которому нет на свете, и сам приговорил себя.

Гавриил Степанович не обувался, а потому ступал неслышно, как по воздуху. Поминутно озираясь и потев от напряжения, он миновал коридорчик, закрыл за собой дверь общей комнаты, где семья собиралась за столом по праздникам. Тогда на диване спали гости, то и дело наезжавшие к хлебосольной Лене. Но этим утром здесь тоже было пусто, чисто и прохладно.

Лоджия выходила на запад, и солнце появлялось в комнате ближе к вечеру. Старшинов повернул ручку двери, плечом вперёд протиснулся в узкую щель и несколько секунд любовался голубым весенним небом. Подумал, что уже скоро любимые его майские праздники и день рождения супруги.

Деревья окутались зелёной дымкой, из-под земли лезла молодая трава. Он послушал чириканье воробьёв, а потом неторопливо нагнулся, будто хотел достать из ящика инструмент. Но не поднял крышку, а придвинул ящик поближе к ограде. Поставил на крышку ногу в носке, проверяя, прочно ли стоит ящик на скользкой плитке пола лоджии. Потом, крикнув, оттолкнулся левой ногой, вздёрнул своё тело на полметра вверх. Покачался, балансируя руками, и удивился своей внезапной неловкости – его спортивной форме завидовали и куда более молодые коллеги.

Всё-таки странно, подумал Старшинов. Я же человек, я хочу жить, хочу дышать. Хочу, но не могу. Не имею права после того, что произошло по моей вине...

Перед Старшиновым распахнулась бездна. Он застывшим взглядом провожал маленькие, будто игрушечные, автомобильчики, которые снова по залитому утренним солнцем проспекту. Зря он не принял стопку-другую – легче было бы сделать последний шаг. Но судья тотчас же грубо оборвал цепочку малодушных мыслей. Нет, сучок, ты должен умереть в здравом уме и твёрдой памяти, даже в малом не облегчая свою участь. Тебе предстоит в полном сознании пролететь все двенадцать этажей и удариться о землю.

Старшинов перекинул ногу через ограду, сел на неё верхом. Всё-таки он отвернулся от зияющей справа пустоты. Взглянул налево, на застеклённую дверь, и вздрогнул, увидев морду Джека. Пёс открыл дверь в гостиную, подбежал к выходу на лоджию, встал на задние лапы и завыл, заскулил, моментально поняв всё.

Люди завтракали, разговаривали, смеялись, не подозревая, что сейчас случится. Думали о пикниках и именинах. А вот пёс успел застать хозяина живым. Он налегал на дверь и скулил, даже стонал; потом хрипло залаял. Гавриил Степанович услышал лай и понял, что жена и сыновья сейчас прибегут сюда.

Растерянно и жалко улыбнувшись собаке, Старшиной зажмурился. Перенёс через барьер вторую, внезапно одревеневшую ногу. Держась сведёнными судорогой руками за последнюю свою опору, он сполз пониже, набрал в грудь воздух, на мгновение замер. И, внезапно, всё вспомнив, возненавидев себя, шагнул вперёд.

Судья ещё успел порадоваться тому, что нашёл в себе силы выполнить намеченное, преодолеть свой страх и воздать себе по заслугам...

* * *

Кирилл Железнов, покачиваясь и тяжело дыша, подошёл к камину и пошире расставил ноги. Но всё равно не удержал равновесие и уронил на пол только что наколотые дрова, которые с грохотом разлетелись по комнате. Кирилл бросился было их подбирать, но быстро сник, махнул рукой. Не поднимаясь с пола, протянул широкую ладонь, взял с сервировочного столика бутылку «Кристалла», припал к горлышку. Когда оторвался, почувствовал, что тоска ослабла, и ухмыльнулся сквозь слёзы.

Кирилл укладывал особым образом дрова, а после, священнодействуя, растапливал камин. Но хмельное сознание то и дело мутилось, дробилось и уводило мысли в прошлое, которое уже никогда не вернётся. Урони он вот так охапку двор раньше, задержись в сарае на час, напейся, как свинья, Верка прибежала бы выяснять, что стряслось. А он обнял бы жену за талию, уткнулся бы лицом в её круглый живот. И стали бы они целоваться, как сумасшедшие, хохоча до упаду.

А чего не подурчиться законным супругам, когда между ними любовь? Они ждут наследника. Их дом на балтийском побережье – полная чаша. Печник-ас нарасхват у клиентов. Все они не бедные, и поэтому Железнов сумел купить аж две машины, построить дом с черепичной крышей. Тогда, при Верке, было хозяйство – корова, птица, кролики. Даже, помнится, угрей пробовали разводить.

А теперь сараюшки стоят пустые. Рубить живность рука не поднялась – всех продал, а после загнал и джип «Ниссан». Выпил по этому поводу в одиночку бутылку смирновской водки. Остался у него «Опель», который теперь перейдёт к старшему брату. Сегодня Кирилл оформил дарственную. Вырученные за джип и живность деньги положил на два счёта – матери и сына Павла, от первого брака. Пашка вместе с Юлией, бывшей женой, жил в Питере. А вот Верке уже ничего не достанется – их месяц назад развели. Впрочем, ей ничего и не нужно. Верка осталась под Саратовом, у родителей, и хочет забыть благоверного, как жуткий сон.

В камине загудело ровное пламя, и Кирилл с величайшим трудом поднялся на ноги. Дотащился до кресла, покрытого медвежьей шкурой. Тяжело опустился в густую шерсть и подумал, что Верка, может быть, ещё вернётся. Они даже внешне схожи – оба высокие, плотные, светло-волосые и голубоглазые. Значит, и сын, который должен был родиться в августе, как раз в эти дни, не мог быть другим. Только вот у Верки соломенная коса до пояса, а у Кирилла кудряшки торчат во все стороны. И никакой гребень их не берёт. Усы у него смешные, как зубная щётка. Верке усы очень нравились, и она часто повторяла, что помрёт с тоски без Кирюшки. Умоляла никогда её не бросать. Получается. Врала, потому что сама его бросила.

Три месяца знать о себе не даёт, не приехала даже оформить развод. И плевать ей, что Кирюшка совершенно спился. Давно уже не обедал, и ходит по посёлку оборванцем. Должна ведь баба понимать, что не ей одной тошно. У мужа тоже сердце болит. С каждым днём ему всё труднее вставать, садиться в машину, ехать на работу, а там – месить раствор и класть кирпичи. Силы покуда имеются, но жить не хочется, – вот в чём проблема. Ни деньги, ни детки-печки, ни водка не милы Железнову.

Сперва, когда Верка уехала, он пробовал приводить в дом компании. Но после всё само собой рухнуло, да и мужики стали сторониться. Не явно, конечно, – выдумывали всякие отговорки, лишь бы поменьше общаться с Кирюхой. А вот клиенты, как и прежде, приглашали на работу. Обращались с печником так, будто в семье у него всё нормально. Но Кирилл по глазам видел, что помнят все про них с Веркой, и сам старался поскорее свалить.

Он приезжал к себе домой, колол дрова, растапливал камин. Очень много пил и собирался продавать коттедж, который не оправдал его надежд. Верка визжала от восторга, впервые обходя комнаты, поднимаясь по лесенке на второй этаж, обследуя мансарду. Прикидывала, куда лучше поставить детскую кроватку. Воображала, как затопает по ступенькам и коридорчикам их Кирилл Кириллович...

Железнов очень хотел заплакать, но не мог и только икал. Если первая жена Юлия узнает, чем у них кончилось дело, заплашет от радости. Предупреждала ведь, кричала сквозь слёзы, что счастья им не видать. И, ведьма, оказалась права!..

Железнов мешал угли кочергой, курил одну сигарету за другой. И всё чаще позёвывал – сказывалась накопившаяся усталость. Водка брала его не каждый день, а вот сегодня, на удачу, сморила. И Кирилл точно знал, что нынешней ночью выпится. Жаль, что работы много перед

осенью – люди ремонтируют старые печи и кладут новые. А то поехал бы в Великие Луки к матери и тётке – те давно звали.

Маманя, конечно, начнёт пилить, ругать за то, что и со второй бабой не ужился. Первый развод сына она перенесла тяжело. Просила ради Пашки сохранить семью. Да и Юлия до последнего дня не соглашалась расстаться – скандалила, ползала на коленях, а после снова начинала проклинать Кирилла с Веркой. А вот мать новую невестку приняла, полюбила и всё просила сына от Верки не гулять, беречь её, раз уж так повезло.

Железнов держался подолгу, но всё же срывался, когда уезжал в Питер к сыну. И боялся, что Верка всё узнает про его девочек. Шлюхи гроздьями висели на Железнове, особенно когда он надевал малиновый пиджак и в ресторане вальяжно доставал сотовый телефон. Ему, дураку, это льстило. Но, вернувшись ранним летом из такой вот весёлой поездки, Кирилл нашёл свой дом пустым. Вера избавилась от долгожданного младенца и бросила мужа, отрезав все пути к примирению. Железнов долго не верил в этот кошмар, но потом понял, что иначе жена и не могла поступить...

За окнами посвистывал ветер, шумело море. Кирилл то клевал носом, то в испуге просыпался, вздрагивал. Слушал скрип яблонь в саду и пытался вытрясти хоть ещё одну каплю из давно опустевшей бутылки. Железнова бил озноб – не спасали ни медвежья шкура, ни свитер, ни плед.

Он встал и закрыл вьюшку. Мучительно было чувствовать и понимать, как вместе с печным теплом уходит жизнь не только из опустевшего дома, но и из его тела – молодого, крепкого, сильного. Ему всего тридцать семь. Нужно пережить то, что произошло, и как-то существовать дальше. Всё-таки стоит пренебречь заработком и навестить родню. Наверное, выход найдётся. А сейчас он должен пересилить себя и встать. Подняться в спальню, потому что у камина оставаться нельзя.

Да неужели он так нажрался, что не может вернуться к входной двери, запереть её на ночь? Завтра утром обещала приехать новая заказчица. На её машине они отправятся в очередную виллу, где Железнову предстоит сложить две печи. Он выполнит эту работу и непременно съездит в Великие Луки. А сейчас надо встряхнуться, разлепить веки, из последних сил рвануться и выплыть со дна сладкого, коварного озера. Если не взять себя в руки теперь, всё кончится очень быстро...

А. может, пусть закончится?.. Разве не мечтает любой человек о такой смерти – лёгкой, не страшной? Насколько лучше она отвратительной, пустой жизни, в которой уже никогда не будет ни жены, ни детей, ни работы в охотку? Прежнего не вернёшь, а другого не нужно. Он, Кирилл Железнов, не хочет чадить, слабеть, дрожать и ждать неизбежного – изо дня в день, из года в год. «Надо уйти молодым и здоровым», – думал печник и улыбался во сне. Он сам не верил в то, что вскоре наступит конец. Играл в жмурки с судьбой и убеждал себя в том, что непременно выиграет.

Он уже чувствовал болезненное постукивание в висках, накатывающуюся изнутри тошноту. Но упрямо сидел в кресле перед потухшим камином, словно хотел таким образом искупить вину перед Веркой, наказать себя, вымолить прощение за свой грех. И упоённо представлял, как потекут горячие слёзы по круглому любимому личику, как забьётся о стол гладко причёсанная голова, как зашепчут слова любви искусанные губы. А он, обновлённый и нездешний, откуда-то издалека всё это услышит, увидит и возрадуется...

* * *

Евгению Субочу казалось, что за ним постоянно следят. Он то и дело оглядывался на редких уже в ночную пору пассажиров метро. Наверное, эти скромно одетые люди с грустными лицами действительно исподтишка рассматривали холёного господина в длинном кашемиро-

вом пальто и белом кашне. Было странно, что он вообще оказался в московской подземке. Весь вид Субоча говорил о том, что место ему в дорогой иномарке, вполне возможно, что и с мигалкой. Сам Евгений прекрасно понимал, что ведёт себя, по меньшей мере, странно, но ничего с собой поделать не мог.

Сегодня вечером он уехал из своего офиса на служебной машине, но у станции метро «Планерная» попросил остановить лимузин, отослал водителя и спустился в метро. Шокировав своим видом контролёров и дежурную по станции, он сошёл на перрон, шагнул в вагон поезда. Добрался до «Пушкинской», пересел на «Тверской» в первый же подвернувшийся состав. Евгений не понимал, зачем поступает так, а не иначе. У него не было конкретной цели. Нужно было добраться до любой конечной станции, выйти в «спальном» районе, где никогда до этого не был и потому не может встретить знакомых.

Подошедший поезд шёл до «Красногвардейской». Субоч почти вбежал в вагон, упал на сидение. Ещё раз огляделся, мысленно проклиная пассажиров за их дурацкое любопытство. Высокий стройный джентльмен при часах от Картье, в бумажнике которого лежали среди прочих две золотые кредитные карты, странно смотрелся в обществе измотанных жизнью тёток и припозднившихся работяг. А после взрывов домов в Печатниках и на Каширском шоссе москвичи боялись всего необычного.

Надо поменьше обращать на них внимание, подумал Субоч. И всё само собой утрясётся. Стоило, конечно, переодеться перед поездкой, но не сообразил, в чём теперь и каялся. Думал только о том, чтобы не забыть разрешение на пистолет. Без этого документа можно было раньше времени нарваться на неприятности и не сделать самого главного, ради чего и предпринималось безумное на первый взгляд путешествие.

По трансляции объявили, что поезд прибыл на конечную станцию, и попросили не забывать в вагонах свои вещи. У Субоча с собой не было даже кейса. Зонт он оставил в офисе, поэтому пришлось выйти под дождь с непокрытой головой.

Евгений прошёл мимо торговых палаток, стараясь не обращать на себя внимания бандитствующих подростков. Потом замедлил шаг и прикинул, где же он волею случая оказался. Юг Москвы, абсолютно не знакомые места. То, что нужно – не будет лишних эмоций. За пустырьём мерцают огнями дома, вокруг сгущается осенний влажный сумрак.

Разъезжают туда-сюда милицейские машины, прогуливаются пешие стражи порядка с собаками на поводках. Значит, в здесь переполох. Не нужно было так далеко тащиться. Удобнее оказалось всё сделать в офисе, дождавшись, пока сотрудники разойдутся по домам. Впрочем, возвращаться глупо – надо действовать по первоначальному плану.

В нагрудном кармане заверещал мобильник. Евгений с досадой вытащил его и остановился, прикрывая трубку ладонью.

– Анжела, ты?

Меньше всего он хотел сейчас разговаривать именно с женой. Идиот, не отключил телефон, теперь придётся врать.

– Женя, ты когда домой придёшь?

Капризный голосок молодой женщины, которой очень повезло в жизни, раньше даже нравился Субочу. Он считал Анжелу красивой и сексуальной. Претензии и прихоти супруги всегда по-хорошему возбуждали Евгения, но теперь она вызывала такое же отвращение, как и весь остальной мир.

– Сегодня буду попозже, – неожиданно хрипло, невнятно отозвался Субоч и испугался. Анжела, услышав этот пьяный голос, вполне могла заподозрить неладное. – Займись чем-нибудь пока. В клуб, например, поезжай.

– Какой клуб, Женя?! К нам же Арнольд обещал завернуть! Стол накрыт, я жду при полном параде. Но нет ни тебя, ни Арнольда. Ты что, до потери пульса доработался? Или на корпоративе перебрал?..

Анжела привыкла получать всё и сразу, а потому не терпела ни малейшей заминки в исполнении своих желаний.

– Помню, что Арнольд обещал заскочить. – Субоч лихорадочно соображал, как тут можно выпутаться. – Но когда возникли проблемы на работе, я с ним договорился о более поздней встрече. Накладка пустяковая, и я быстро обернусь. Без меня не обойтись никак, понимаешь?

Евгений непроизвольно хихикнул. Анжела тихо ахнула.

– Я ведь не принадлежу себе, птичка. Это ты можешь делать всё, что пожелаешь. А я вынужден считаться с реальностью...

– Жень, да что с тобой?! – Анжела всхлипнула. – Где ты?..

– Со мной ничего, просто много дел. Извини.

Субоч отключил телефон, потому что проходящий милиционер подозрительно на него покосился. Потом быстро зашагал по скользкой от дождя тропинке к жилому массиву, стараясь забыть и об Анжеле, и о своём заместителе Арнольде Тураеве, с которым он, естественно, ни о каком переносе встречи не договаривался.

Просто нужно было именно сейчас что-то напелсти жене. А когда обман всплывёт, Евгению будет уже всё равно. И поищут они его, точно! Ведь никому и в голову не взбредёт, куда отправился генеральный директор крупнейшего совместного предприятия, успешно функционирующего на базе международного аэропорта.

Но Тураев-то как раз особенно переживать не должен – в свои двадцать семь лет он унаследует пост Субоча в фирме; о лучшей карьере и мечтать не надо. Ещё, чего доброго, заподозрят Арнольда во всём, испортят ему жизнь. Слишком уж выгодно парню то, что вот-вот произойдёт...

Субочу повезло, потому что в первом же дворе никого не было. Оставшиеся на ночь дежурные укрылись от дождя в подъездах, а дверь в подвал запереть позабыли. Конечно, там могут быть люди, с которыми придётся долго объясняться. Но рискнуть стоит. В конце концов, у Евгения с собой только пистолет, и нет никакой взрывчатки.

Как называется эта улица, он не знал и не хотел знать. Думал лишь о полученном позавчера письме, состоящем из одной фразы, как телеграмма. Письме анонимном, потому что под такими посланиями не подписываются. Кому-то очень хотелось, чтобы процветающий делец как можно скорее узнал о своей беде и принял меры.

Евгений мог бы ещё долго ни о чём не подозревать и жить спокойно, но ему не дали укрыться за стеной счастливого неведения. До сегодняшнего дня ещё оставалась надежда на то, что автор письма лжёт. Но несколько часов назад Евгений Субоч узнал, что всё написанное – правда. Узнал и принял последнее в жизни решение.

Подвал, как ни странно, оказался пустым и ужасающе тёмным. Евгений включил захваченный из офиса фонарик, закрыл за собой тяжёлую дверь и осмотрелся. Он всё ещё был готов к обороне, но кругом стояла тишина – до звона в ушах. Световой круг скользил по трубам, по каким-то мешкам и ящикам, кучам песка, которым дворники зимой посыпали лёд.

Субоча затошнило от амбре из мочи, плесени и растворителя. Он прошёл вперёд и загремел сваленными в кучу лопатами и швабрами. С лязгом покатилося ведро, и Евгений замер, стараясь дышать через раз. Кажется, во дворе беседовала компания, и люди вполне могли спуститься сюда. Где-то в дальнем углу мяукала кошка, почуявшая чужака.

Светя себе под ноги, Евгений добрался до закутка почище. Уже не жалея пальто, он сел на бумажный тюк. Приладил фонарик так, чтобы свет падал на колени. Надел дорогие изящные очки – тоже от Картье, как и часы. Наверное, всем этим добром в скором времени поживятся дворники или бомжи. Но ему будет уже фиолетово – в гробу карманов нет.

Лишь бы не подвёл крутой пистолет, купленный ещё в прошлом году, – «Беретта 92F», – и не пришлось бы после страдать, оставшись инвалидом. Анжела его, само собой, бросит, хотя

неизвестно, кто из них виноват в случившемся. И другим калека будет не нужен. Его расположения ищут, пока он удачлив и богат, а потом друзья с партнёрами узнают о его беде и покинут.

Странно, ведь Евгений всегда считал себя сильным, выдержанным и оптимистичным человеком, но сейчас он не находил в себе сил бороться. Наверное, потому, что был реалистом и понимал – в этой войне не победить. Враги наконец-то попали в «десятку», и Субоч мысленно поздравил их с заслуженным успехом.

Убедившись, что пистолет готов к стрельбе, Субоч снял очки, сунул их в позолоченный футляр. Погасил уже не нужный фонарик – в кромешной тьме легче было действовать. Зря не оставил в фирме фотографии, где он запечатлён с женой и коллегами. Захватил их случайно, не подумав, но в его состоянии трудно быть собранным.

Евгений старался не думать о том, кого оставлял на этом свете. Им будет лучше, они избавятся от мучений, надежд и разочарований. Родителям и жене Субоч не раз говорил, что его могут застрелить. Они, кажется, давно свыклись с этой мыслью. Но всё получилось иначе, и их единственный сын, успешный муж, не дождался чужой пули.

Крепко прижав дуло пистолета к правому виску, он попытался вспомнить молитву, но не смог. Начав мысленно просить у Бога и людей прощения за свой отвратительный поступок, Евгений сбился, грязно выругался и нажал на спусковой крючок.

Глава 1

– Я всегда удивлялся, что можно иметь коллекцию редких трубок и не пользоваться ими!

Александр Голланд в который уже раз оглядывал красиво расположенные на подставке экземпляры. Он осторожно взял футляр, открыл его и полюбовался жемчужиной коллекции – трубкой «Данхилл», каких в мире насчитывалось совсем немного. – Хотя бы этой...

– Курение трубки требует много времени и душевных сил. А я нигде не могу сосредоточиться – ни дома, ни на службе.

Артур Тураев, не поднимая головы с подушки, лениво покосился на гостившего у него уже третий день калининградского друга.

– Теперь вот начну потихоньку втягиваться. Возможно, мне придётся взять пример с Шерлока Холмса или комиссара Мегре. Великий сыщик немыслим без трубки.

– Да хватит, всё уладится!

Голланд, высокий и худой, торчал посреди комнаты, как башенный кран. По привычке, он был возбуждён, весел и полон самых разных идей, до реализации которых, впрочем, дело доходило крайне редко. Загорелое, угловатое, то свирепое, то добродушное его лицо, обветренное на морском берегу, всегда напоминало иллюстрации к произведениям Жюль Верна. Сходство с отважными путешественниками усиливала короткая аккуратная борода.

– Уладится, если улаживать. – Артур лежал расслабленно, словно тряпичная кукла, и с интересом смотрел в потолок. – А я не хочу.

– Начальство не переборешь, – предупредил Александр.

Он не знал, как лучше поступить – остаться с другом или, наоборот, уйти.

– Я просто уволюсь. – Тураев, кажется, не испытывал ни малейшего сожаления. – Столько, сколько я получаю там, можно заработать частным извозом. А ради морального удовлетворения оперативники уже давно не пашут. Отгуляю отпуск, а тем временем шум поутихнет. Если сможем разрешить проблемы мирно, то отлично. Нет – и не нужно. Я уж точно не пропаду. Но извиняться перед барыгами, ворами, которых на полжизни нужно посадить, я не стану. И ни одного своего слова назад не возьму. Сразу надо предупреждать, что для тех правонарушителей, которые работают под милицейской «крышей», писан отдельный закон. И ставить им на лоб соответствующее клеймо – чтобы не вышло ошибки...

– А ты что, этого не знал? – вздохнул Голланд, пощипывая бородавку. – Всё-таки подумай на досуге, не перейдёшь ли в нашу фирму. Твой покорный слуга, между прочим, имеет право самостоятельно укомплектовывать штат службы безопасности. И я хоть завтра скажу, что нуждаюсь в усилении кадров. Из Москвы, сразу предупреждаю, выписываться не нужно.

– Ладно, подумаю.

Тураев откровенно зевнул. Он лежал поверх пледа в джинсах и водолазке. Веки его слипались, и очень хотелось тишины. Артур был полной противоположностью Александру – невысокий, смуглый брюнет с покатыми плечами. На серьёзном бледном лице его ярко выделялись большие карие глаза.

– Ты куда-то собрался?

– Да, на «Горбушку» хотел съездить, – смутился Голланд. – А что?

– Да ничего, собственно. Надолго меня покидаешь?

– Наверное, надолго. Мне оттуда к Верке Железновой завернуть нужно...

– Впервые слышу. Кто такая?

Артур слегка оживился, протянул руку и взял с журнального столика пачку «Парламента», зажигалку. Потом бросил сигареты Голланду, и тот поспешно закурил.

– Да печник у нас в Пруссии был.

Светло-серые глаза Голланда, его пепельные волосы напоминали Тураеву море и дюны Балтики.

– Ровно месяц назад, двадцатого августа, угорел по пьянке насмерть. Верка – его бывшая жена. В этом году развелись, и она к своим, под Саратов, уехала. А Кирилл стал совсем по-чёрному бухать. Прикинь, до чего мужика тоска довела! Мастер-ас, очередь к нему на год вперёд стояла. А вьюшку захлопнул гораздо раньше, чем нужно было. Уснул в кресле перед камином и не проснулся. Рядом пустую бутылку из-под «Кристалла» нашли, и в заначке ещё три такие же. Он и мне французский камин сложил. Теперь мы с женой, как начинаем топить, по Кирюхе горюем...

– Вера сейчас в Москве?

Тураев затягивался, думал о своём и вместе с тем внимательно слушал Голланда.

– Да. Вообще-то она в Балаково родилась. В настоящее время гостит у знакомых. Я специально подгадал свой визит, чтобы с ней встретиться. После того, как Кирюху похоронили, брат его дом загнал. Кое-какие вещички остались, и я хочу их Верке передать. – Голланд грустно улыбнулся. – Верка в Бирюлёво остановилась, далеко отсюда. Но что делать – придётся пилить. Может, «тачку» возьму. – Голланд потушил сигарету и встал.

– Ключи от джипа лежат в кармане куртки, – всё так же рассеянно, словно между прочим, сообщил Тураев. – А сам он стоит у подъезда. Надеюсь, найдёшь. Только поосторожнее, не гони. Жалко батин подарок.

– Нет вопросов! – Голланд заторопился. – Мы всё понимаем, игрушку твою побережём. Но ты-то как без колёс?

– А я никуда сегодня не собираюсь. Наоборот, Арнольд обещал заскочить. Возьми нормального коньяка по дороге. Не думаю, чтобы ты до вечера прокатался.

Тураев уселся на тахте по-турецки и взял пепельницу в левую руку.

– Посмотришь, какой теперь мой братан. Недавно стал главой очень крупной фирмы, и теперь сам не знает, что ему с этим богатством делать. Даже нашей матери и своему папеньке ничего ещё не говорил. Боится, что они умрут со страху. Отказаться от престола жалко – когда ещё представится такой шанс?..

– И как же его угораздило?

Александр вышел в прихожую, скинул шлёпанцы и стал надевать ботинки.

– Шеф на днях погиб, вчера похоронили. И никто из влиятельных лиц в их фирме не высказался против назначения Арнольда генеральным директором.

– Шефа замочили? – Голланд взял с вешалки кожаную куртку.

– Похоже, что он сам руки на себя наложил. Правда, никакой записки не оставил, и даже с женой не объяснился. Уехал в Зябликово, причём на метро. Было это поздно вечером. Спустился в подвал, который почему-то не заперли, и там застрелился. Пистолет нашли рядом с телом. Экспертиза доказала, что всё именно так и произошло. Отпечатки пальцев на «беретте», следы пороха на коже рук и около раны. У баллистиков никаких вопросов – самоубийство.

Тураев слез с тахты, подошёл к окну, послушал, как барабанит по подоконнику дождь.

– Но дела в фирме шли нормально, личных проблем у шефа не было. Брат теряет в догадках, а его между тем начинают подозревать.

– В чём?! – удивился Голланд, нахлобучивая на макушку кепку.

– Слишком всё удачно вышло для Арнольда. Никто вслух не высказывается, но за глаза шепчутся. Обратная сторона шального везения – мол, само собой так получиться не может.

– Получиться можем по-всякому. – Голланд взял из внутреннего кармана куртки Тураева брелок с ключами. – Артур, не беспокойся, всё будет нормалёк. Да, а чем братишка в фирме занимался? Я ведь его ещё студентом помню, Ноликом...

– Обслуживание пассажиров в аэропортах, организация продажи товаров за рубежом, курьерская экспресс-служба, продажа авиабилетов. Шеф, его фамилия Субоч, раньше препо-

давал у Арнольда в институте и заметил способного студента. Не просто так, конечно. Мой отчим, отец Нолика, знал Субоча ещё по работе в Мосгорисполкоме.

– Ясно. – Голланд поднял с пола туго набитую спортивную сумку. – Ну, я побежал. А ты что будешь делать?

– В потолок плевать, – усмехнулся Тураев, копаясь в видеотеке.

Пульт дистанционного управления он включил «двойку», намереваясь уже в который раз посмотреть свой любимый фильм «Ворошиловский стрелок».

– Ты там как следует дверью хлопни, а то иногда замок заедает, – предупредил он Голланда, удобно устраиваясь в кресле.

* * *

– Познакомься, Ангела! Этой мой старший брат Артур – я тебе о нём много рассказывал. Арнольд Тураев, посторонившись, пропустил в дверь молодую женщину – невысокую, хрупкую, печальную, но одетую оригинально и дорого.

На Ангеле было чёрное пальто, похожее на халат, поверх которого она набросила палантин из шуршащего, тоже чёрного, шёлка. Юбка едва прикрывала колени, обтянутые переливающимися колготками, а тонкие шпильки осенних сапожек делали стройные ноги ещё длиннее. Судя по всему, неожиданно овдовевшей Ангеле было трудно не рыдать в присутствии посторонних. Но она привыкла держать марку и старалась ступать красиво, небрежно, то и дело встряхивая волосами.

– Добрый день!

Ангела, напряжённо улыбаясь сквозь не просохшие слёзы, сняла лайковые перчатки угольного цвета и протянула Артуру маленькую душистую руку.

– А вы ведь совершенно не похожи...

– У нас только мать общая, а отцы разные, – пояснил Артур, принимая пожатие. – Разве Нолик... то есть Арнольд вам не говорил?

– Нет, я впервые слышу.

Ангела, привыкшая к роскоши, оглядывала прихожую трёхкомнатной квартиры с явным недоумением. Вероятно, её уже давно не водили в нормальные дома.

– У вас одна фамилия, поэтому я думала, что вы родные...

– Это мамина фамилия.

Арнольд старался не встречаться с осатанелым взглядом старшего брата, прекрасно понимая, что допустил непростительную ошибку. Он договорился с Артуром о встрече, и брат ждал Арнольда одного. Поэтому и встретил его по-родственному, по-домашнему – в джинсах, водолазке и кожаных шлёпанцах. А Арнольд пригласил к себе в компанию настоящую светскую львицу, перед свиданием с которой следовало посетить салон красоты.

– Очень оригинально, – одобрила Ангела, на секунду забывшая о цели своего визита.

А Артур про себя материл Нолика на все лады, понимая, что бежать в спальню и переодеваться сейчас уже неудобно. Нолик заделал брату крупную подлянку, выставил его перед дамой в дурацком виде, причём сам того не желая. Гораздо выигрышнее Артур смотрелся бы сейчас в милицмейской форме или в итальянской «тройке» табачного цвета, но пришлось примириться с неизбежным.

– Я могу раздеться?

– Зачем вы спрашиваете?

Артур провёл ладонями по щекам, благодаря судьбу за то, что после ухода Голланда всё-таки побрился.

– Арнольд, помоги Ангеле, а я сварю кофе. Извините, но больше ничего в доме нет.

– У него всегда так!

Арнольд ловко принял на вытянутые руки сброшенное Анжелой пальто, пристроил его за раздвижными дверями зеркального шкафа. Потом снял своё – длинное, кашемировое, как у покойного шефа, но не тёмное, а светло-бордовое. По случаю траура в фирме Арнольд надел чёрный костюм.

Анжела была в маленьком платье того же цвета, с глубоким каре. На лицо она положила скромный макияж.

Мой брат питается или в ресторанах, или у приятелей, иногда заскакивает в круглосточные магазины. Бывает, и у мамы поужинает. Правда, ей хочется, чтобы старший сын заглядывал почаще. Вы поняли намёк, король Артур? Его так ещё в школе прозвали, – пояснил Арнольд удивлённой Анжеле.

– Понял. Наверное, завтра к ней заеду.

Артур поставил кофейник на плиту, добавил песок в сахарницу и пожалел, что не удосужился купить в супермаркете печенье или зефир. Настроение его безнадёжно испортилось. По сравнению с Арнольдом, плечистым арийцем, вежливым и учтивым, он выглядел торговцем с оптового рынка. Разговоры о его бытовой неустроенности тоже не добавляли оптимизма.

– Артур, неужели вы холостой?

Анжела широко распахнула голубые глаза под низкими чёрными бровями. Тураев понял, что, против ожидания, понравился ей. Наверное, Анжела Субоч оценивала мужчин не только по росту.

– Разведён, – коротко ответил Тураев-старший, давая понять, что к лёгкому трёпу о самом себе не расположен. – Арнольд, проводи гостя в залу. Я скоро к вам присоединюсь. Извините ещё раз.

Анжела моментально всё поняла, и Арнольд захлопотал вокруг неё, стараясь сгладить возникшую неловкость. Он принялся двигать кресла, чтобы удобнее устроить вдову своего шефа. Зажигал то торшер, то люстру, одновременно заслоняя спиной пепельницу с окурками и смахивая в карман колбасные шкурки, давно засохшие на тарелках. Арнольд однажды предложил прислать к брату на квартиру домработницу и оплатить её труд из своих средств, но получил резкий отказ и больше инициативу не проявлял.

Артур тем временем наскоро перебивал под краном чашки из своего лучшего сервиза, оставшегося с благословенных времён. Тогда друзья плыли косяком на любое его семейное торжество, не зная, чем ублажить хозяина, что ему подарить. Шесть-семь лет назад и Анжела бы вела себя по-другому. Но те благословенные времена никогда уже не вернутся, и нужно просто забыть о них.

Бывшая жена Марина поняла это раньше других, едва высокопоставленный свёкор угодил в следственный изолятор. И постаралась исправить собственную ошибку, допущенную два года назад. Тогда Марина из кожи вон лезла, чтобы обратить на себя внимание «звёздного мальчика». Даже потеряла с ним девственность до свадьбы, имея пятнадцать лет от роду. Не знавший тогда столь оглушительного успеха Арнольд спокойно и неторопливо делал карьеру, тем более что отец удержался на плаву и во всём помогал отпрыску.

– Угощайтесь!

Тураев вкатил в залу сервировочный столик, переставил чашечки поближе к гостям и сел в третье, придвинутое к столику кресло.

– Благодарю.

Анжела не стала отказываться от угощения. Она понимала, что явилась не на званый обед. К тому же, сейчас она была просительницей и не имела права оценивать внешность и состоятельность хозяина. Она нуждалась в нём, а не он в ней. Нельзя было допустить ни малейшего прокола, общаясь с этим молодым человеком – гордым, самолюбивым, ранимым.

– Мы ненадолго, – успокоил Арнольд, осторожно отпивая горячий кофе.

Артур молча кивнул, принимая реплику к сведению.

– У нас очень деликатное дело, – поддержала его Анжела. – В связи с гибелью моего мужа у Арнольда возникли проблемы. И у меня тоже. Мы оба хотим, чтобы к делу подошли неформально, с душой. Одним словом, нам нужен именно такой человек, как вы...

– Какой именно?

Артур пока ничего не понимал. Он просто наблюдал за грациозными движениями гостьи и боролся с желанием запустить пальцы в её пышные золотистые волосы. Комплексами вдовушка не страдала, и у Евгения Субоча явно были проблемы с её верностью. Поборов глупый порыв, Артур принял позу внимательного слушателя.

– Вы ведь юрист, выпускник МГУ, майор милиции, сотрудник МУРа. Кроме уголовного мира и милицейской работы, вы знаете бомонд, правда ведь? Вы вхожи в такие сферы, куда многим путь закрыт...

Анжела старалась говорить деловито и бесстрастно, но голос её то и дело срывался, а губы начинали дрожать.

– Не сердитесь на Арнольда. Он рассказывал мне о вас ещё до того, как всё случилось. И я поняла, что могу предложить вам очень выгодный контракт. Вы ведь сейчас находитесь в отпуске, поэтому можете выполнять частные заказы без риска заработать служебные неприятности...

– Мокрый воды не боится. Служебные неприятности я себе уже заработал.

Артур, взглянув на брата, заметил, что тот потеет от волнения и горячего кофе. Потом мило улыбнулся Анжеле.

– Я не спрашиваю, какие именно неприятности.

Госпожа Субоч пила кофе мелкими глоточками, видимо, не испытывая дискомфорта из-за отсутствия сладостей, фруктов и коньяка. По её мнению, деловые переговоры должны были происходить именно так.

– Я только прошу пойти нам навстречу и хотя бы, выслушав, дать совет. А мы с Арнольдом, со своей стороны, обещаем приличное вознаграждение. Если он вам брат, то помогать мне вы не обязаны, и нашей фирме тоже. И потому прошу вас не отказываться...

– А я и не отказываюсь, – пожал плечами Тураев.

– От чего? – запнулась Анжела, и её лицо покрылось пятнами.

– От гонорара. И от работы, разумеется.

Артур отодвинул пустую чашку и закурил свой любимый «Парламент». Арнольд немедленно последовал примеру старшего брата, и Анжела, поколебавшись, достала пачку дамских сигарет с ментолом.

– Ой, как я рада!

Вдова Субоча едва не захлопала в ладоши, но вовремя опомнилась. Арнольд облегчённо вздохнул, выпуская дым из ноздрей.

– Следовательно, закрывший дело Евгения, формально прав. Экспертиза подтвердила самоубийство, а разбираться в причинах, побудивших мужа так поступить, милиция не обязана.

– Вообще-то, доведение до самоубийства – это тоже статья. Ну ладно, не будем цепляться к мелочам. Вы хотите, чтобы в этом разобрался я? – уточнил Артур.

Он восхищался игрой граней бриллианта, оправленного в платину, который украшал нежный пальчик Анжелы. И думал, что «бабки» во время отпуска может срубить приличные. Только бы завтра поспать денёк, а со среды можно заняться неожиданно подвалившей халтурой.

Молодец Нолик, не оставляет непутёвого братца в беде, ищет для него клиентов. Только бы успеть управиться до конца отпуска, но это уже как повезёт.

– Сделайте одолжение!

Анжела смотрела Артуру прямо в глаза, тяжело дышала и ёжилась, словно собираясь прыгнуть в прорубь.

– Арнольд хочет раз и навсегда доказать окружающим, что не виновен в гибели Евгения. Я в этом твёрдо уверена, поэтому говорю об этом в его присутствии. Чтобы руководить Жениной фирмой, Арнольд должен оставить в прошлом все подозрения и недомолвки. Да, ему повезло. Повезло крупно. Но такова, значит, его судьба. Искать в любом поступке криминал – постыдно, недостойно, просто глупо. Но пока не выяснилась истинная причина самоубийства Евгения, люди вольны думать всё, что угодно. Меня эти перешёптывания за спиной огорчают ничуть не меньше, чем Арнольда. Лично мне очень хочется узнать, почему мой муж решил уйти из жизни. Я готова понести любые расходы, создать вам самые лучшие условия для работы, если только это будет в моих силах. В любое время дня и ночи вы сможете обратиться ко мне с какой угодно просьбой. Единственное, чего я боюсь, – огласка. Евгений был, как вы понимаете, не последним человеком в мире бизнеса. Вновь выяснившиеся обстоятельства могут серьёзно повредить репутации фирмы. Мы ведь работаем с массой иностранных партнёров, а они очень чувствительны даже к самым малейшим сомнениям в порядочности тех, с кем имеют дело. За рубежом пока ещё ничего не знают – ни про самоубийство, ни про тот подвал, где это произошло...

– Огласки не будет.

Артур встал из-за столика, вышел из залы и почти сразу же вернулся с ноутбуком в руках. Поставил компьютер на колени и выжидательно взглянул на Анжелу.

– Я согласен выполнить вашу просьбу при условии, что у вас не останется тайн от меня. Вы должны отвечать на любые мои вопросы, не умалчивая даже о самом интимном, не ссылаясь на обязательства перед кем бы то ни было. Врач часто делает больно, но делает это во спасение. Не скрою, что вам предстоит перетерпеть страдания. А когда узнаете всё о муже, то в чём-то разочаруетесь, изменитесь, сделаете выводы. И выводы эти не всегда будут разумными, своевременными. Только на таких условиях я согласен с вами сотрудничать, иначе игра не стоит свеч.

Артуру очень хотелось, чтобы Анжела приняла его условия, но внешне он демонстрировал полное безразличие и к гостям, и к их проблемам. Он курил уже третью сигарету, глядя на забрызганное дождём окно.

Анжела Субоч ничего не сказала, лишь опустила слипшиеся от краски и слёз ресницы. Арнольд Тураев крепко и благодарно пожал под столом руку старшего брата.

* * *

– Вы не поверите, но я даже не знала, что у Жени есть оружие! – Анжела растерянно улыбнулась.

Артур, разглядывая паркет, думал о несостоявшейся уборке. Он никогда не приглашал посторонних для хозяйственных дел и находил в домашней работе удовольствие. Арнольд сидел, вытянув длинные ноги до середины комнаты, и любовался мягким блеском своих туфель. Стенные часы только что пробили три, и у соседей за стеной заорало радио.

– Скорее всего, он держал пистолет в сейфе, в офисе...

– А ты знал? – Артур повернулся к Арнольду. Тот вздрогнул.

– Евгений как-то раз обронил ненароком, что хотел бы на всякий случай иметь под рукой пистолет. Кажется, ему в ту пору угрожали, и нужно было как-то защищаться. Но о том, что шеф приобрёл именно «Беретту-92F», я не подозревал. Разрешение у него, как оказалось, было.

– А зачем иметь лишние проблемы?

Артур время от времени заносил данные в ноутбук. И думал о том, что скоро придёт Голланд, привезёт коньяк, от чего пейзаж на столе оживится.

– Оружие престижное, стоит на чёрном рынке около тысячи долларов. Завозится в страну не партиями, а поштучно. Имея такой ствол на руках, надо думать и о том, чтобы его не потерять...

– Больше всего меня потрясло, что Евгений перед смертью повёл себя так странно... Он отправился в такое место, где, скорее всего, никогда в жизни не бывал. Оставил свою машину на стоянке в «Шереметьево», сел в служебную. Но у станции метро «Планерная» из автомобиля вышел, водителя отослал. Получается, муж проехал через всю Москву и поднялся наверх на «Красногвардейской»...

Анжела вертела то перстень с бриллиантом, то обручальное кольцо на левой руке. И обращалась будто бы не к Артуру и Арнольду, а к самому Евгению Субочу, так жестоко обошедшемуся с ней.

– Мы с ним женаты пять лет, но на моей памяти Женя никогда не пользовался подземкой.

– У вас, конечно, и своя машина есть? – поинтересовался Артур.

– Да, у меня «Форд-Фиеста». Она в ту ночь стояла в нашем гараже, в Мнёвниках. Я говорила с водителем уже после всего, но ему Евгений тоже ничего не сказал. Странная какая-то прихоть – тащиться под проливным дождём через пустырь. У него были пятна грязи на брюках, на ботинках – комья глины и извёстки. А ведь раньше муж и пылинки на своём костюме не терпел. Почему именно этот подвал? И как можно было уйти из жизни посреди полного благополучия, в сорок два года?! Даже записки никакой не оставил, ничего не объяснил! Незадолго до того, как он... застрелился... мы говорили по мобильному. – Анжела переглянулась с Арнольдом. – Я только что приехала с Николиной Горы, с дачи, и хотела узнать, когда муж вернётся домой...

– Тем вечером я собирался к ним в Мнёвники, – вставил Арнольд.

– Да, был такой уговор. Евгений мне солгал. Сказал, что по согласованию с Арнольдом перенёс время встречи. Сослался на какие-то неотложные дела. Но Арнольд сказал, что никаких изменений не было. Евгений говорил со мной грубо, даже издевательски, с огромной неохотой, словно хотел оскорбить и поскорее отделаться. Арнольд, между прочим, не знал ни о каком форс-мажоре...

– Такие случаи раньше бывали? Ваш муж задерживался надолго после окончания рабочего дня? Часто ли он грубил вам и лгал? Или подобное произошло тем вечером впервые? – перебил Артур.

– Именно так Женя никогда себя не вёл, – твёрдо сказала Анжела.

– Утром того дня вы с ним виделись?

– Нет, я ведь была на даче. Уехала примерно за сутки до того, как всё произошло, то есть пятнадцатого сентября вечером. Мы созванивались ещё один раз, но тогда я ничего подозрительного не заметила. – Анжела не отводила глаз, смотрела прямо в зрачки Артура, чтобы тот не сомневался в её искренности. – Мне кажется, что-то произошло позже.

– Арнольд, а ты шестнадцатого числа своего шефа видел? – Артур пока не строил никаких догадок и просто собирал данные.

– Нет, поэтому мы и хотели встретиться вечером. Но вот пятнадцатого утром мы перебросились несколькими фразами в его кабинете. И я хочу тебе возразить, Анжела. Уже тогда шеф был чем-то расстроен. В таком состоянии я его никогда не видел. Когда я вошёл в его кабинет, Евгений жёг в пепельнице какую-то бумагу. Увидел меня, смутился и спрятал пепельницу в ящик стола. – Арнольд гладил Анжелу по руке, понимая, что вдове очень тяжело. – Было такое впечатление, что он совершает что-то недозволенное...

– У тебя есть на сей счёт соображения? – вклинился Артур.

– Ровным счётом никаких, хотя я знаю состояние дел фирмы во всех тонкостях. По крайней мере, ни с какими реальными проблемами самоубийство шефа связано быть не может. Он старался не впутываться в сомнительные проекты и в откровенные махинации.

– Скорее всего, он получил от кого-то письмо, причём такого содержания, что сразу же решил это послание уничтожить. Похоже даже не на угрозу, а на компромат. Пепел исчез?

Артур помассировал пальцами веки – глаза уставали от работы на компьютере.

– Да, когда я занял его кабинет, пепельница оказалась чистой. – Арнольд развёл руками, будто извиняясь за что-то.

– Что же касается подвала... – Артур отставил ноутбук и налил себе остывшего кофе. – Просто дверь там оказалась открытой. Другие подвалы были заперты – вот и всё. Вероятно, Евгений хотел, чтобы его не нашли как можно дольше. Так оно и вышло бы, но сейчас, после взрывов, чердачные и подвальные помещения постоянно проверяются. Жильцам с первого этажа показалось, что под полом кто-то ходит, и они вызвали милицию. Если бы не тревожная обстановка в Москве, лежать бы телу господина Субоча в подвале ещё неизвестно сколько времени. Кроме того, в незнакомой, непривычной обстановке легче расставаться с жизнью. Вид привычных улиц и домов, прочие милые мелочи удерживают человека от рокового шага. Бывает так, ничего не соображают в состоянии аффекта и просто бегут, куда придётся. Ангела, вы лучше всех знаете своего мужа, и Арнольд хорошо с ним знаком. Были у Субоча проблемы в последнее время? Если да, то насколько серьёзные, и в чём они заключались? Жаль, что не сохранилась та бумага, да чего уж теперь... Придётся обходиться без неё. Сохранись бумага – никакого расследования не потребовалось бы. Самоубийство напрямую связано с тем письмом или документом. На мой взгляд, это – наиболее логичная версия.

– Очень вероятно. – Арнольд, похрустывая широкими плечами под пиджаком, разминал спину. – На шефе лица не было...

– Итак, Евгений Субоч имел врагов? – прямо спросил Артур.

– Имел, как и всякий деловой человек. Более того, он не раз говорил, что количество врагов прямо пропорционально числу заслуг, – не сдержалась и всхлипнула Ангела. – Если быть до конца откровенной, то и я, и родители Евгения были готовы к этому... Только такого поворота событий мы не ждали. Готовились к трагедии иного рода...

– К чему именно вы готовились? – удивился Артур.

– К убийству. К теракту, например. Но то, что он сам...

– Значит, Субоч имел основания опасаться за свою жизнь? Или это – чисто женская логика, игра эмоций и обыкновенный невроз?

– Шеф почти каждый день провозглашал с пафосом, что убить его можно, а вот запугать – никогда, – вставил Арнольд, сцепляя на коленях чистые длинные пальцы. В этот момент он был очень похож на врача. – Действительно, Евгений умел держать себя на уровне. Ангела подтвердит, что он никогда не грузил семью своими проблемами.

– Имя хотя бы одного недоброжелателя вы можете назвать?

Артур обращался сразу к обоим своим гостям, но больше к Арнольду, потому что с женой фирмач мог и не поделиться.

– Был один тип, – неуверенно начала Ангела, но вспомнила данное Артуру обещание и заговорила громче: – Я не одобряла Женину дружбу с этим Крыгиным! Но муж почему-то считал его неплохим парнем. Арнольд, наверное, пересекался с Крыгиным в офисе фирмы, но основные контакты происходили на нашей даче. Женя считал, что сейчас каждый крутится, как может, и скелеты в шкафах есть у всех. Кроме того, мужа с Лёшей Крыгиным познакомил его зять, муж Варвары...

– Это дочь шефа от первого брака, – пояснил Арнольд.

– Да-да! – Хорошенькое личико Ангелы неприязненно скривилось. – Женя чувствовал себя виноватым перед дочерью и во всём ей потакал. Когда, вняв моим уговорам, он наконец-то решил избавиться от Крыгина, Варя закатила истерику. Орала по телефону, как резаная, обвиняла отца в том, что он брезгует ею и её друзьями...

– А сам Крыгин был заинтересован в дружбе с вашим мужем?

– Не то слово! – Анжела тряхнула головой, и в её ушах сверкнули два алмазных сердечка. – Он же из брюк выпрыгивал, пытаясь угодить Евгению. Постоянно давил на Варю и её мужа, чтобы они выступали на его стороне. Варю-то завести просто – нужно только вовремя ей напомнить, что богатый и симпатичный отец сбежал от её матери к молодой стерве. Я у него раньше была секретаршей, – призналась Анжела, снова закуривая. – Крыгин эксплуатировал самые низменные чувства Варвары, и с крайней жестокостью растравлял её душевные раны.

– Давно ли вы в последний раз видели Крыгина? – Артур закончил печатать и поднял глаза. – И когда с ним встречался ваш муж?

– Насчёт Жени я не в курсе. А наше последнее свидание произошло три-четыре месяца назад. В тот день между моим мужем и Крыгиным произошла перепалка, едва не закончившаяся дракой. Телохранителям даже пришлось их разнимать. С тех пор я ничего об Алексее не слышала, Евгения не спрашивала, и он первым не начинал разговор. К тому же Варя и её муж Борис надолго уехали в Испанию, и Крыгин лишился рычага давления на Евгения.

– Я о Крыгине тоже слышал, – неожиданно оживился Арнольд.

До этого он сонно поглядывал на часы, высчитывая, сколько ещё времени они могут побыть в обществе сводного брата. Молодой директор фирмы очень торопился, но не решался прямо об этом заявить.

– Евгений как-то вскользь обронил, что впутываться в Лёшкину авантюру не желает. Насколько мне известно, Крыгин был тесно связан с бандитами, обворовывающими музеи, картинные галереи, частных коллекционеров. Ещё чаще они нападали на библиотеки и архивы, которые хуже всего защищены. Правда, года четыре назад эти ребята обчистили даже дворец «Монплеизр» в Петергофе. Они делают деньги на тех ценностях, которые многие поколения собирали веками. И потому ещё более отвратительны, чем обыкновенные грабители валюты и банков. Иконы, древние монеты, манускрипты, редкие книги, картины – вот их профиль. Материальный ущерб для страны – десятки, даже сотни миллионов долларов. О моральном, духовном я уже не говорю. Шефу, особенно под конец, о Крыгине даже вспомнить было противно. Но ради дочери он сдерживал себя...

Арнольд подождал, пока брат закончит нажимать клавиши ноутбука. Потом заговорил снова.

– А суть конфликта состояла в том, что Крыгин передал Субочу желание своих хозяев продать за рубежом украденные ценности на весьма выгодных условиях. Ведь наша фирма в числе прочего занимается реализацией российских товаров за границей. Крыгин предлагал за большие деньги превратить её в канал сбыта антиквариата на Запад. Шеф не хотел рисковать репутацией «Аэросервиса», несмотря на то, что предложение выглядело очень заманчиво. Через «Шереметьево-2» из России убывает множество дипломатов, багаж которых не досматривается. У Субоча были отличные возможности завербовать некоторых из них для работы в интересах группировки. А дипломаты – люди ушлые. Многие являются кадровыми разведчиками, а потому ловко водят за нос таможен и полицию. Дошло до того, что шефу предлагали торговать краденым прямо в аэропорту, открыв фешенебельный магазин и обеспечив себе спокойную жизнь путём подкупа милицейского начальства. Об этом можно рассказывать долго, но, надеюсь, ты уже понял суть дела, – заключил Арнольд. – Анжела, нам пора.

– Мы, наверное, злоупотребили терпением Артура, – лучезарно улыбнулась вдова, но глаза её смотрели тоскливо. – Вот моя визитная карточка. Здесь вы найдёте все без исключения номера телефонов, по которым можно связаться со мной...

– Минуточку! – Артур хотел удостовериться в правильности своей догадки. – Получается, Субоч отказался работать на бандитов? И его за это обещали ликвидировать – как несогласованного коммерсанта и просто как ненужного свидетеля? Но его не убили. Он застрелился сам, уничтожив перед этим какую-то бумагу. Таким образом, на сегодня мы сформулировали условие задачи, которую предстоит решить.

– В тот день, когда произошла ссора на даче, Крыгин вопил, что Жене недолго осталось ходить по земле, – вспомнила Анжела. – Но, насколько я знаю супруга, он стал бы жить просто назло этим мерзавцам.

– Очень ценное дополнение. – Артур поднялся, давая понять гостям, что отпускает их. – Арнольд, вы на служебной машине?

– Да, но за рулём – я сам.

Братишка, склонив напояженную голову с безукоризненным пробором, взял Анжелу под руку и повёл в прихожую. Артур, между прочим, подумал, что холостой братец вполне может заменить Субоча не только в кресле директора фирмы, но вслух ничего не сказал и вышел провожать гостей.

Наблюдая через окно за тем, как со двора выезжает чёрный представительский лимузин, Артур барабанил пальцами по стеклу и думал, что именно сейчас ему по-настоящему захотелось раскурить трубку «Данхилл».

* * *

– Тебя только за смертью посылать, – зевая, проворчал Тураев, отпирая дверь и впуская в квартиру мокрого, озябшего Голланда. – По правде говоря, я уже мысленно попрощался с джипом.

– Обижаешь!

Александр, сняв куртку и кепку, достал из той самой спортивной сумки бутылку коньяка «Хеннеси» и довольно улыбнулся.

– О-о, здорово! – Артур повернул бутылку в руках. – Но гости уже три часа как ушли, так что придётся нам распивать коньяк вдвоём.

– Всегда можно найти третьего, – успокоил Голланд, причёсываясь перед зеркалом и раздувая ноздри. – Да, кстати, что за гости? Ты ждал одного Нолика. А тут, похоже, была дама, пользующаяся духами «Опиум». Жаль, что ты принял её не на уровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.